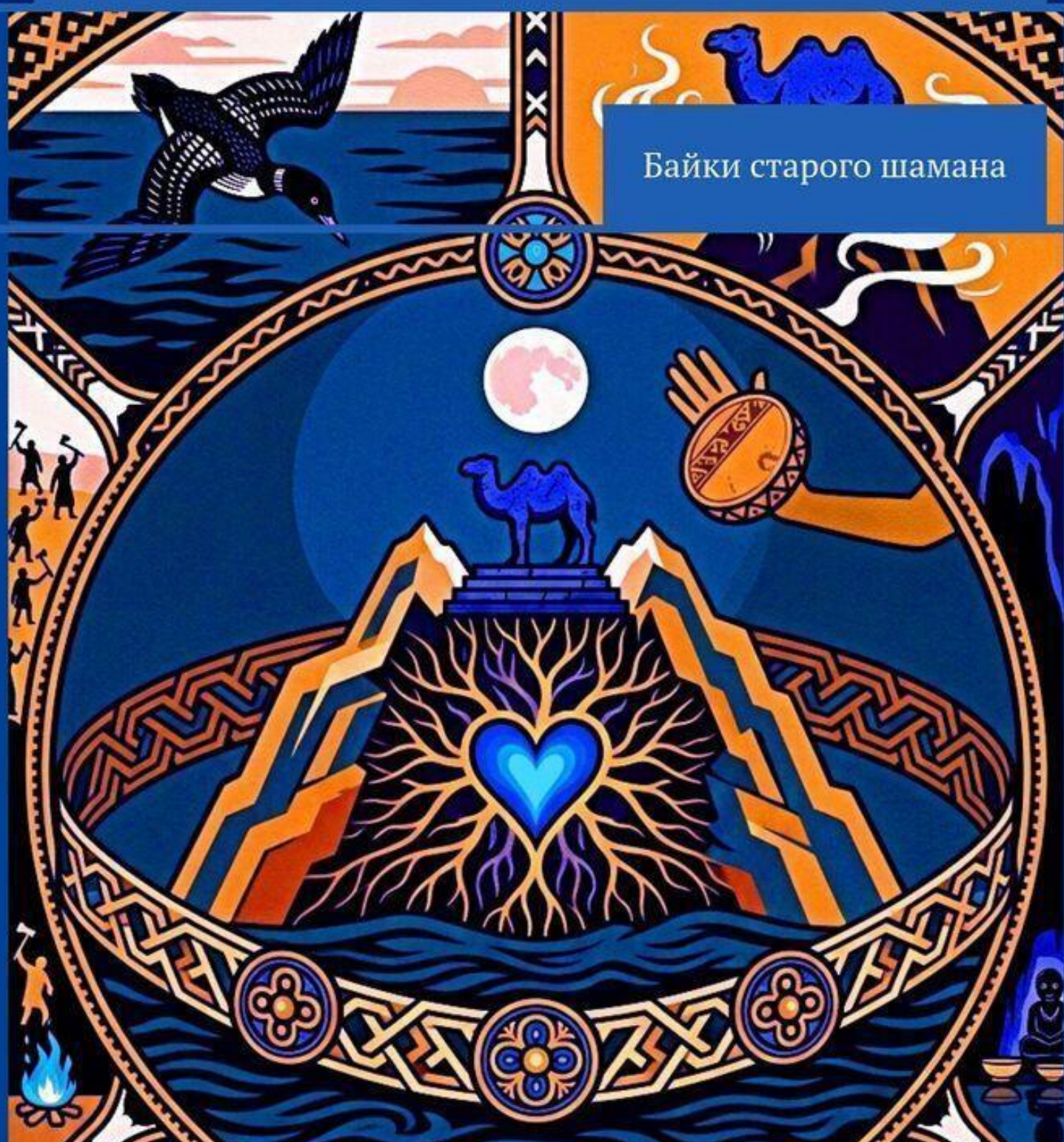

12+

Татяна Fleksy

Легенды Качканара

Байки старого шамана

Татьяна Fleksy

**Легенды Качканара.
Байки старого шамана**

«Издательские решения»

Fleksy T.

Легенды Качканара. Байки старого шамана / Т. Fleksy —
«Издательские решения»,

Эта книга-предание о горе Качканар, одной из самых таинственных вершин Урала, описанной, как место силы, памяти и духовного присутствия. Через цикл художественно переосмысленных легенд, основанных на мансийской мифологии, местных преданиях, исторических фактах и личной памяти автора, раскрывается сакральный образ горы — как живого сердца земли, где встречаются времена, народы и судьбы. Это книга о мифе, истории, родной земле и внутреннем возвращении к тому, что хранит человека всю жизнь.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Легенда первая. Каменное сердце Урала	9
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	15
Легенда вторая. Когда пришел верблюд	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Легенды Качканара Байки старого шамана

Татьяна Fleksy

© Татьяна Fleksy, 2026

ISBN 978-5-0070-2822-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда началась эта книга? Наверное, давно-давно, в моем детстве. И продолжалась всю жизнь, и вряд ли была бы написана, если бы не мой новый «старый» знакомый, который просто приходит и просто рассказывает. А у меня просто не остается другого выбора, как писать...

Он пришёл ночью — как всегда, без стука.

Не дверь не дрогнула, не половица. Просто воздух внутри меня вдруг стал другим, будто чья-то невидимая ладонь легла на сердце, и оно на миг сбилось, прислушалось. В груди стало тише. Холоднее.

Я подняла голову и сразу поняла: он здесь.

Старый шаман с Ермакова городища. С того места под Медведь-камнем, где, по преданию, зимовала дружина Ермака. Земля там тяжёлая, старая, будто набрала в себя слишком много шагов, слишком много голосов.

К его появлениям я давно привыкла. Он приходил — и я писала «Легенды о Лае». И в этом не было ничего странного: Лая рядом с городищем, я сама живу здесь, хожу по той же земле, дышу тем же воздухом — смола, хвоя, сырой камень, утренняя влага и ещё что-то, чему я долго не могла найти имени. Может, время. Может, память.

Иногда он приводил других. Однажды пришёл шаман из Черноисточинска. От него тянуло такой давней, такой неотпущенной болью, что слова были уже не нужны. Я только сидела и слушала, как слушают воду в темноте. И после этого были «Легенды Черноисточинска».

Но в эту ночь всё было иначе. Он пришёл один. И долго молчал. Это молчание я знала. Оно бывает перед самым главным — перед тем, от чего уже не отведёшь глаз, что потом не даст тебе покоя, пока не облечёшь его в слова.

Потом он сказал:

— Качканар.

И у меня внутри всё остановилось...

Качканар для меня — не просто город и не просто гора на горизонте. Там осталось слишком многое. Детство. Молодость. Первые по-настоящему злые зимы, когда стоишь на автобусной остановке, и мороз хватает за щёки так, что слёзы выступают сами. Рассветы, после которых казалось, что день непременно будет большим. Автобусные окна, за которыми из серого утра поднимались два каменных рога. Любовь. Усталость. Работа. Ошибки. Надежды. Там родились мои старшие дети.

Я уехала почти двадцать лет назад. Срок немалый — почти отдельная жизнь. Но, если говорить честно, Качканар так меня и не отпустил. Он возвращался во сне. Без причины, без предупреждения. Просто вдруг приходил — со снеговым ветром, с серо-розовым светом раннего утра, с той линией горы, знакомой до боли. И после таких снов я просыпалась с чувством, будто кто-то стоит за спиной и молча держит меня за плечи и не отпускает.

Долго я не понимала, чего от меня хотят. Сначала думала: напишу что-то светлое, тёплое, почти домашнее. О городе, где прошла большая часть моей жизни. О времени, которое издалека всегда кажется проще, чем было на самом деле. О горе, которую я видела каждый день и потому почти перестала замечать.

Но очень скоро стало ясно: нет, не об этом.

Гора начала раскрываться иначе. Как что-то живое, древнее, упрямо ждущее, когда на него наконец посмотрят не как на декорацию или фон.

Я стала узнавать то, что видела столько лет, но никогда не знала по-настоящему. Для манси Качканар был местом силы, местом обряда. Сюда приходили не только просить, но и умирать — чтобы остаться. По преданиям, здесь произошло великое камлание во времена

похода Ермака. Здесь легла пряжка небесного пояса. Здесь Верблюды, пришедший из красных песков, остановился и окаменел, потому что увидел точку, откуда видно всё.

И тогда я поняла: книга началась не в тот день, когда я села писать. Она началась гораздо раньше. Просто я долго носила её в себе и не знала об этом.

Не от желания ещё раз перебрать молодость, как старые фотографии. И даже не потому, что люблю легенды. Просто в какой-то момент молчать стало невозможно. Слишком остро я почувствовала: место, где прошла моя жизнь, было больше меня, глубже, древнее всех моих воспоминаний, а я ходила рядом и почти ничего не видела.

От этого делалось и светло, и больно. До слёз.

Я, правда, плакала над первыми страницами. По-настоящему. От стыда, от узнавания, от странного чувства вины перед горой, перед землёй, перед голосами, которые когда-то звучали здесь, и ушли под гул машин, под суету, под вечное «потом».

Священная гора всё это время была рядом и смотрела. Ждала, когда я наконец услышу. Это чувство я помню с детства: стоишь внизу, задираешь голову — и вдруг ясно понимаешь, что не ты смотришь на гору, а она смотрит на тебя.

Раньше я отмахивалась: детская фантазия, игра света, впечатлительность. Теперь не могу. Слишком многое сошлось. Слишком многое отозвалось так глубоко, что уже не спишешь ни на воображение, ни на случай.

Когда у её подножия построили город, гора не перестала быть священной оттого, что люди проложили дороги, подняли дома, зажгли огни. Она просто стала смотреть и на новых людей тоже: на старателей, на рабочих, на первостроителей, на детей, выросших в её тени и не знавших, возле чего живут. На меня. И книга выросла из этого взгляда. Из любви, в которой много боли. Из памяти, которая упрямее времени. И ещё — из очень простого желания: чтобы голоса не исчезли совсем. Чтобы шаманы, охотники, старатели, первостроители не растворились без следа. Чтобы их хоть кто-то ещё услышал.

«Запомни. Запиши. Не отвернись». Я не отвернулась.

Так появилась эта книга.

Вы можете верить книге или читать ее, как сказки, или считать это моей фантазией, но для меня каждая легенда в ней — правда. Не всякую правду можно приложить к архивной папке или заверить печатью. То, что подтверждается документами, я вынесла в исторические справки. Остальное живёт по другим законам — по законам памяти, места, внутреннего узнавания. И если однажды вы сами доберётесь до Качканара, гора, может быть, скажет вам больше любого архива. Она помнит. Помнит мансийских охотников, приносивших дары. Помнит старателей, которые оставляли под кедром медные пуговицы, потому что сердцем знали: здесь нельзя брать просто так, сперва надо попросить. Помнит тех тридцать пять молодых людей с топорами, пришедших однажды майским утром и сказавших: будем жить здесь. И меня тоже помнит. Девочку в автобусе, которая ехала с рабочей сменой комбината и глядела в окно на ее вершины, и не знала, что смотрит на сердце мира.

Я уехала. Но гора меня не отпустила. Теперь я знаю почему. Есть места, которые выбирают нас сами. От их памяти не отречешься, сколько бы лет ни прошло, и как бы далеко ни увела жизнь. И однажды приходит миг, когда ты уже не можешь делать вид, будто не слышишь. Миг, когда ты наконец готов ответить на зов, который звучал в тебе всегда.

Эта книга — мой ответ. Моё возвращение. Мой разговор с горой, с прошлым, с той девочкой, которой я была когда-то. И, наверное, способ наконец сказать вслух самое простое: «Я помню. Я слышу. Я благодарна».

Читайте эти легенды не на бегу. Лучше вечером. А ещё лучше ночью, когда дом стихнет и за окном останется один ветер. Если сможете — читайте у живого огня. Возле него слова всегда звучат честнее. Не спешите — такие истории не любят суеты.

А если когда-нибудь подниметесь на Качканар, к скале Верблюд, положите ладонь на камень и немного постоит молча.

Он отзовется.

Легенда первая. Каменное сердце Урала

Старый шаман снова принёс свой костёр в мои сны.

Он приходит всегда так — без предупреждения, как приходит зима: не объявляет о себе, просто однажды есть. Огонь горит. Шаман сидит. Тишина между нами плотная, как смола.

И говорит:

— Садись ближе. Вот так.

Огонь не лжёт. Смотри в него — не в меня, в него. Он скажет тебе то же, что скажу я, только раньше. Духи не любят, когда их перебивают. Они не уходят с обидой — они просто исчезают. Как дым. Были — и нет.

Я расскажу тебе то, что знают немногие. То, что открылось мне, когда волосы мои стали белыми, а ноги — тяжёлыми, как мокрый мох. Есть такой вес у старости. Земля начинает говорить с тобой, когда ты достаточно тяжёл, чтобы она тебя услышала.

Слушай.

В начале не было ни запада, ни востока. Эти слова пришли позже — когда людям понадобилось назвать то, что уже существовало без них. А тогда была только вода. Тёмная. Тяжёлая. Без дна, без края. Вода, которая не отражала ничего, — потому что отражать было нечего.

Нуми-Торум — Отец Неба, Отец Всего — смотрел на эту воду сверху. Долго смотрел. Столько, сколько нельзя посчитать, даже если считать звёзды одну за другой, не останавливаясь, не засыпая, — всё равно не хватит.

Потом позвал гагару.

Ты знаешь гагару? Птица невзрачная. Не орёл, не беркут — никто не слагает о ней песен. Но она ныряет глубже всех. Туда, куда свет уже не достаёт. Туда, где вода делается чёрной и холодной, как смерть. Воздух, вода, земля — она знает все три. Нуми-Торум знал это. Он сказал ей: ныряй. Достань со дна то, что там лежит.

Первый раз — клюв пустой. Второй — ничего. В третий раз — вот: тёмный ил. Живой. Тёплый, как дыхание спящего.

Нуми-Торум взял этот ил в ладони и начал лепить землю. Дышал на неё — и она росла. Медленно. Как просыпается медведь после зимы — не торопясь, зная, что мир никуда не денется.

Седой, как снег на вершинах. Сидел на небе на золотом стуле, держал посох с золотым набалдашником. Смотрел вниз — сквозь дыру в небе. Всё видел. Всё знал.

И вот однажды увидел: земля расплзается.

Как шкура без обруча — края расходятся, середина провисает. Ещё немного — и всё уйдёт обратно в воду, и не останется ничего, кроме темноты и тишины.

Тогда Калтась-эква — жена Нуми-Торума, та, что дарует душу и отмеряет срок жизни, — сказала ему тихо, как говорят только о самом важном:

— Опояшь её. Иначе она уйдёт.

Нуми-Торум снял с себя пояс. Тяжёлый пояс, украшенный пуговицами. И бросил его вниз.

Здесь слушай особенно внимательно.

Пояс летел долго. Рассекал облака — как нож рассекает воду. Там, где он касался земли, вставали хребты, поднимались кряжи, вздымались кручи. Земля стонала под его тяжестью — но держалась. Пояс лёг. Хребет протянулся с полуночи на полдень, разрезав мир надвое — на лесную сторону и степную, на тёмную и светлую, на живую и дремлющую.

Каменный пояс земли. Манси называли его Нёр.

Но в самом сердце хребта — там, где небо касается земли, — пряжка легла глубже всего. Земля под ней просела, вздохнула, сжалась — и вдруг пошла вверх. Как вздох, ставший камнем. Выросла гора. Двурогая.

Два рога — Северный и Южный. Два глаза, смотрящие одновременно в прошлое и в будущее. Два конца лука великого охотника, натянутого навеки. Между ними — столько, сколько идти пешком от одного привала до другого.

Здесь проходила граница двух частей мира. Именно здесь. Не случайно.

Почему именно здесь — я думал долго. Спрашивал тех, кто старше. Они молчали. Или говорили коротко: так было. Но однажды один найт — совсем старый, с руками как кора лиственницы, — сказал мне кое-что. Тихо. Почти не разжимая губ.

— Пряжка — это не просто застёжка. Пряжка — это место, где пояс держит. Без пряжки пояс расходится. Всё рассыпается. Понимаешь? Нёр — не просто гора в середине хребта. Нёр — это точка, без которой весь Каменный пояс расплзётся обратно в воду. Узел. Замок. Место, в котором держится мир.

Поэтому, когда пряжка легла в эту землю, земля ответила. Поднялась навстречу. Потянулась вверх — как тянется к свету молодой кедр. Гора выросла не потому, что тяжесть придала вила её. Гора выросла потому, что земля хотела удержать небесный дар. Обнять. Не отпустить.

Вот почему Нёр — сердце Каменного пояса. Не высотой или красотой. А тем, что без неё всё остальное не держится. Как тело без сердца. Как костёр без углей.

Запомни это.

Когда пряжка легла и остыла, среди семи сыновей Торума был Нёр-ойка — Каменный старик. Он стал духом-хранителем этой земли. Поселился в камне. Стал самым хребтом — его дыханием, его памятью, его гневом в час бури.

Он был настолько силён, что не брал в руки оружия, не проливал крови. От его взгляда враги обращались в бегство или окаменевали. Ездил на белых оленях, одежда и обувь его были сшиты из белого меха. Тих, как гора в безветренный день. Но за этой тишиной стояло такое, что лучше не испытывать.

Нёр — Каменная гора — была его сердцем.

Ты знаешь, что такое сердце? Не то, что бьётся в груди. А то, без чего нельзя. Вот что такое Нёр для Нёр-ойки.

Был ещё один — Мир-Суснэ-хум, младший сын Нуми-Торума. Небесный всадник. Тот, кто скачет по ночному небу на белом коне с золотой гривой и серебряными копытами, — объезжает свои владения, выслушивает просьбы людей, несёт их наверх, к отцу. Посредник между миром людей и миром богов.

Говорили старики — те, что знали: раз в год, в ночь полного месяца, белый конь касается копытами двух рогов Нёра. И тогда гора светится изнутри синим огнём. Кто видит этот свет, получает ответ на свой главный вопрос. Но лишь те, кто пришёл с чистым сердцем.

Святылища Мир-Суснэ-хума стояли по всей земле манси. Но главным — тем, куда приходили только найты, только шаманы и только раз в жизни, — была Нёр.

Вся земля, реки и озёра поделены между духами. У каждого — свои люди, своя забота. Но Нёр не принадлежала никому. Она принадлежала всем сразу — и никому в отдельности. Она была общей памятью народа.

Запомни это. Это важно.

Давным-давно, когда деревья были ещё молодыми, а реки текли медленнее, к подножию Нёра пришёл молодой охотник. Звали его Эква-пыгрись — Сын Женщины. Сирота. Отец ушёл на охоту и не вернулся. Мать умерла от горя. Он вырос один — в лесу, среди кедров и молчания. Молчание было его первым языком.

Однажды ночью ему приснился старик в золотых одеждах. Старик сказал:

— Иди на Нёр. Там ты найдёшь то, что потерял.

Эква-пыгрись не знал, что именно потерял. Но пошёл.

Склоны горы были покрыты кедром — густым, тёмным, пахнущим смолой и временем. Наверху — каменные россыпи и скалы всяких облиций, больших и малых, как будто кто-то лепил их из глины и бросил незаконченными. Он поднимался три дня.

В первый день лес говорил с ним голосами птиц. Не пел — говорил. Слов было не разобрать, но смысл шёл прямо в кожу, минуя уши:

— Иди. Ты нужен.

На второй день камни под ногами затянули низкую песню — такую, какая бывает в земле перед грозой, когда гром ещё молчит, но воздух уже знает. Эква-пыгрись останавливался, прикладывая ладонь к валуну — и чувствовал, как тот дышит. Медленно. Ровно. Как спит кто-то очень большой и очень старый.

На третий день случилось вот что.

Он шёл по узкому карнизу над пропастью — слева скала, справа обрыв, внизу туман. Потом туман расступился. Не весь — только узкой полосой прямо перед ним. И в этой полосе, далеко внизу, он увидел след. Свой. Тот самый — первого дня.

Три дня — по кругу. Сердце упало.

Но тут голос — не снаружи, внутри, тихий, как шелест листьев, которые трогает ветер, не решивший ещё, куда ему дуть:

— Не бойся. Гора проверяет. Кто не испугается — тот дойдёт.

Он сделал шаг вперёд. Туман сомкнулся. Тропа пошла вверх.

На третий день он вышел на вершину — и остановился.

Перед ним стояла скала в облике верблюда.

Ты видела верблюда? Нет? Я видел. Один раз. Давно. Большой. Горбатый. Терпеливый, как камень. Вот такой была та скала.

Эква-пыгрись не знал, как называется это животное. Знал только: скала смотрит на него. Смотрит так, как смотрит живое существо, — терпеливо и без суда.

Он сел перед ней и заплакал.

Плакал долго — обо всём сразу: об отце, о матери, об одиночестве, о том, что не знает, зачем живёт. И когда слёзы иссякли, наступила тишина — такая полная, что в ней стало слышно биение горы. Гора дышала. Медленно. Глубоко. Как спит великан, которому некуда торопиться.

И тогда из камня вышел старик.

Не тот, что снился, — другой. Маленький. Морщинистый. С глазами цвета зимнего неба.

— Ты пришёл вовремя, — сказал он. — Я ждал тебя семь поколений.

Это был Нёр-ойка. Горный Старик.

Он взял юношу за руку — и Эква-пыгрись почувствовал: ладонь старика холодная. Не как лёд — холоднее. Как камень в ночи, когда уходит луна. Но страха не было. Только тишина внутри — полная, как чаша, налитая до самого края.

Нёр-ойка провёл его сквозь камень. Не через трещину, не через пещеру — сквозь. Скала расступилась, как вода расступается перед рукой, и сомкнулась за ними.

Внутри горы горел огонь.

Не жаркий, не страшный — тихий, синий, как звезда, упавшая в глубину земли и решившая там остаться. Вокруг огня лежали кости всех шаманов, когда-либо приходивших сюда. Их было много. Они светились.

— Видишь? — сказал Нёр-ойка. — Они не умерли. Они стали частью горы. Их голоса — это ветер на вершине. Их память — это руда в глубине. Их сила — это то, что ты чувствуешь, когда стоишь здесь.

Эква-пыгрись смотрел на кости и не мог отвести взгляд. Кости смотрели на него. Так-моя-то ты, кто знает о тебе больше, чем ты сам.

— Теперь ляг, — сказал Нёр-ойка.

Эква-пыгрись лёг рядом с синим огнём. Земля приняла его — мягко, как принимает мать уставшего ребёнка. Он закрыл глаза.

Что было дальше, он не рассказывал никому. Говорил только:

— Я умер. Три раза. И три раза вернулся. Каждый раз — другим.

Первой ночью гора забрала у него страх. Вытянула из груди — как вытягивают занозу. Больно. Но потом — легче.

Второй ночью гора забрала у него имя.. Он лежал и не знал, кто он. Был никем. Просто дыханием в темноте. И в этом «никто» вдруг почувствовал: он — везде. В каждом камне. В каждом корне. В каждой капле воды под землёй. И страшно и прекрасно.

Третьей ночью гора вернула ему всё — и страх, и имя, и память. Но добавила кое-что своё. Что именно — не скажу. Это нельзя говорить вслух. Это живёт только внутри тех, кто прошёл.

Но была ещё четвёртая ночь. О ней не знает почти никто.

Нёр-ойка разбудил его до рассвета. Синий огонь горел тихо, почти не дышал. Старик сел рядом — не напротив, а рядом, плечом к плечу, как садятся те, кто собирается говорить о важном и не торопится начинать.

Долго молчали.

Потом Нёр-ойка сказал — негромко, почти себе:

— Гора живёт. Ты это чувствовал эти три ночи. Слышал, как она дышит. Как думает. Как держит. — Он помолчал. — Но это не навсегда.

Эква-пыгрись не сразу понял.

— Что не навсегда?

Старик поднял взгляд. Глаза его были как небо перед снегопадом — пустые и полные одновременно.

— Гора живёт, пока в ней бьётся живое сердце. Не камень. Не руда. Живое. Человеческое. Такое, что умеет любить, бояться, терять — и всё равно идти. Только такое сердце держит гору в мире живых. Не даёт хребту рассыпаться в воду.

Эква-пыгрись слушал. Что-то внутри сжалось от понимания. Как будто он уже знал это. Знал с самого начала — с той ночи, когда приснился старик в золотых одеждах. С того дня, когда умерла мать. С того первого шага, когда пошёл к горе, не зная зачем.

— Поэтому ты здесь, — сказал Нёр-ойка. — Не случайно. Ты шёл сюда семь поколений. Ты рождён для этого.

Долго молчал Эква-пыгрись.

Потом спросил тихо:

— Это больно?

Старик подумал. Ответил честно:

— Да. Но не так, как думаешь. Больно — отпустить. Больно — понять, что ты уже не только свой. Что ты — больше, чем ты.

Эква-пыгрись долго смотрел на синий огонь.

Думал об отце, которого не помнил. О матери, которая умерла от горя. О том, что у него никогда не было дома, — только лес, кедры, молчание. И вдруг понял: это и был его дом. Всегда. Просто он не знал его имени.

Он встал. Подошёл к огню. Опустился на колени — так, как опускаются перед тем, что больше тебя. Когда нет страха, но есть уважение. И сказал горе — не старику, а самой горе, той, что дышала вокруг него камнем, тьмой и синим светом:

— Я даю тебе это. Не потому что должен. Потому что хочу. Потому что ты — это я, а я — это ты. Потому что я всю жизнь искал, куда вложить то, что во мне есть. Вот — вкладываю.

Синий огонь вспыхнул — не жарко, а ярко, как рассвет над горой, которую долго ждали. Гора вздрогнула. Так вздрагивает человек, когда впервые слышит своё настоящее имя.

А потом — тишина. Такая, какой не бывает снаружи. Только внутри. Только когда всё встало на своё место.

Нёр-ойка стоял рядом. В глазах его больше не было зимы. Что-то тёплое, похожее на благодарность.

— Теперь гора живая, — сказал он. — Не просто камень. В ней вложено живое сердце. Сердце человека, который пришёл сам и выбрал отдать.

Когда Эква-пыгрись вышел из горы, волосы его стали белыми, хотя было ему не больше двадцати лет. Но глаза стали другими — глубокими, как колодец, на дне которого горит свет.

Он спустился с горы молча, не оглядываясь. Люди в стойбище увидели его и отступили. Кто-то схватился за оберег. Кто-то прошептал имя духа. От него шёл запах горы — камня, синего огня и глубины. Запах, которого не бывает от живых. Но он был живой. Просто другой. Он стал ещё одним шаманом Нёра.

Жил долго. Дольше, чем живут люди. И каждый раз, когда кто-то спрашивал:

— Тебе не жаль? Ты отдал своё сердце горе — что же осталось тебе?

Он улыбался.

— Осталось всё. Потому что гора — это я. Я хожу, дышу, говорю с людьми. А сердце моё держит мир. Разве это мало?

Вот почему Нёр священна для манси. Потому, что там вложено сердце человека — живое, настоящее, выбравшее это само. Там вложено сердце народа.

Понимаешь теперь?

Когда ты стоишь на Нёре и слышишь, как гора дышит, — это не ветер. Это оно. Бьётся. До сих пор.

В последнюю ночь перед уходом уже старый Эква-пыгрись поднялся на Нёр. Ноги его уже не держали — он полз по камням на руках, цепляясь за выступы, оставляя на граните кровь с ладоней. Но дополз.

Лёг между двумя рогами горы — там, где небо опускается так низко, что кажется: протяни руку — коснёшься.

— Нёр, — сказал он. — Ты видел всё. Скажи мне: что будет?

Гора молчала долго. Потом ответила: задрожала земля, загудел камень изнутри, и синий свет поднялся из расщелин — медленно, как дыхание спящего.

И шаман увидел.

Придут люди с большими орудиями — с железом и огнём. Будут рыть гору, вскрывать её нутро, тяжёлое и рудное. Будут думать, что забирают богатство. Но настоящее богатство не достать никаким железом. Оно не в камне. Оно глубже — туда не добраться ни кайлом, ни жадностью.

Придут другие — те, кто ищет не железо, а свет. В шафрановых одеждах — цвета осенней лиственницы, когда та горит последним огнём перед снегом. Построят на вершине свой дом молитвы. И они тоже почувствуют: здесь — сила. Здесь небо ближе к земле, чем где-либо ещё.

Шаман улыбнулся.

Значит, гора не умрёт. Значит, синий огонь в её нутре не угаснет — ни от железа, ни от времени, ни от забвения. Пока сердце бьётся — Каменный пояс держит. Мир не уйдёт в воду.

Он закрыл глаза.

Утром его не нашли. Только след на камне — вмятина от лежащего человека, ещё чуть тёплая. Будто тело только что ушло. Ушло — внутрь. Стало частью горы. Стало ещё одним голосом в ветре на вершине.

Очень давно люди, жившие у Нёра, говорили: гора не любит людей. Ступишь на неё — ноги прирастут к земле, и она втянет тебя в себя.

Это была не совсем правда.

Нёр не поглощала людей. Она испытывала их. А это совсем другое. Скала-Верблюд на вершине была ее стражем. У каждого священного места есть хранитель, и у Нёра им была эта скала.

Говорили, верблюд пришёл из далёких южных степей, где небо жёлто от песка. Он нёс что-то важное: может, первый огонь, первое слово или душу первого человека. Дойдя до Нёра, он лёг и окаменел. Но не умер. В полнолуние его голова будто чуть поворачивается — на восток, туда, откуда он пришёл.

Я сам видел. Однажды. Давно.

Ещё говорили: Нёр — мешок с сокровищами. Если одолеешь её силу, станешь богатым. Это правда. Только богатство было не в золоте. Оно было в знании. В том, что шаман получал после ночи у Скалы-Верблюда: понимание, куда идти, что делать и как жить дальше.

Каждая семья приносила духу земли дары: меха, еду, первую добычу, ткани, монеты — всё ценное. Но самым дорогим подношением было молчание. Час тишины на вершине. Час, когда человек ничего не просит, а только слушает — как дышит гора, как бьётся сердце Эквапыгриса.

Попробуй однажды. Это труднее, чем кажется. Люди боятся молчания, потому что в тишине звучит то, что скрыто.

Вот и всё, что я расскажу тебе сегодня ночью.

Огонь догорает. Иди спать. Завтра — другая легенда.

Гора говорит с теми, кто умеет молчать.

И помни: когда тебе будет совсем трудно — когда не будешь знать, зачем идти дальше, — встань лицом к горе.

Она помнит тебя. Всегда помнила. В ней бьются сердца тех, кто был рождён для этого места.

Как и ты — для своего.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ГОРА КАЧКАНАР: ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Гора Качканар — 878,7 метра над уровнем моря, одна из высших точек Северного Урала, на границе Европы и Азии, между долинами рек Ис и Выя. Вытянута с северо-запада на юго-восток, увенчана двумя вершинами — Северным рогом и Южным, Полуденным. Склоны в лесу, вершина изобилует скалами причудливых форм, у многих — собственные имена.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ

По-мансийски нёр — «каменная гора», «хребет», «Урал». Начальный компонент «Качканар» из мансийского языка объяснить не удалось. А. К. Матвеев предложил тюркские версии: кашка-нар — «лысый верблюд» (на вершине и сегодня стоит скала, похожая на верблюда, но земли — мансийские, не тюркские) и качкыннар — «беглецы». Двойная этимология отражает многовековое взаимодействие народов на Урале.

МАНСИЙСКОЕ СВАТИЛИЩЕ

Скальные выходы руд на Качканаре были известны манси со стародавних времён; Железная гора считалась священной. Отгеснённые на север отрядами Ермака, манси продолжали чтить гору как культовое место с ритуальными жертвоприношениями. Здесь совершалось камлание: шаманы впадали в транс под удары бубна, выслушивали просьбы, передавали людям наказы небесного отца. Согласно поверьям, вся земля, реки и озёра поделены между духами-предками, от которых зависит благополучие родовых общностей.

НУМИ-ТОРУМ И КОСМОГОНИЧЕСКИЙ МИФ

Нуми-Торум — верховное божество обских угров, бог неба, демиург. Седой старец в золотых одеждах, на золотом стуле, с посохом, наблюдающий за землёй сквозь дыру в небе. Придал земле устойчивость тяжёлым поясом, ставшим Уральскими горами. Землю из первозданного океана достала гагара Лули, нырявшая трижды. Водоплавающей птице доступны все три сферы мира — воздушная, водная и земная. Калтась-эква — жена Нуми-Торума, богиня, дарующая душу и определяющая срок жизни.

Урал как пояс бога — подлинное мансийское предание, зафиксированное этнографами.

НЁР-ОЙКА

Один из семи сыновей Нуми-Торума. Наиболее миролюбивый — настолько силён, что не брал в руки оружия. От его взгляда враги обращались в бегство или окаменевали. Покровитель оленьих стад, обитал на озере Ялпын-тур. В оронимии манси гора воспринимается как каменный человек — Нёр-Ойка, Пай-Ер.

МИР-СУСНЭ-ХУМ И ЭКВА-ПЫГРИСЬ

Мир-Суснэ-хум («за миром наблюдающий человек») — седьмой сын Нуми-Торума, посредник на путях живых и мёртвых. Всадник на белом восьмикрылом коне Товлынг-лув с золотой гривой и серебряными копытами. Каждую ночь объезжает землю, выслушивает просьбы камлающих шаманов, передаёт наказы отца. Его вызывают на всей территории манси и хантов при всех обрядах и жертвоприношениях; под ноги коню ставят серебряные блюда. В сказки перешёл под именем Эква-пыгрись — «женщины сынок».

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ И ОБРЯДЫ

В каждом доме имелись предназначенные духам жертвы-подарки — платки, отрезки ткани, бусы. Камлание, транс, общение с духами на горе — исторически зафиксированы.

СКАЛА-ВЕРБЛЮД

Стоит на вершине горы по сей день, рядом с монастырём. Работает на одну из версий топонима: «качканар» — «лысый верблюд».

ПЕРВОЕ НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ

В 1770 году академик Пётр Симон Паллас поднялся на Качканар и составил первое научное описание горы. До него сюда поднимались только те, кто шёл молиться.

ГОРНОПРОМЫШЛЕННАЯ ИСТОРИЯ

После присоединения Среднего Урала к России Качканаром заинтересовались русские горнопромышленники. Акинфий Демидов пытался выкупить у манси всю гору — сделка не состоялась. В XIX—XX веках здесь нашли золото и платину. В 1957 году началось строительство горно-обогатительного комбината. В 1968 году вырос город Качканар.

БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ

16 мая 1995 года на горе основан монастырь Шедруб Линг — «Место практики и реализации». Основатель Михаил Санников познакомился с буддизмом в Афганистане среди памятников буддийской цивилизации, после вывода войск стал учеником ламы Дарма-Доди Жалсараева в Бурятии. Монастырь воздвигнут там, где прежде стояло мансийское святилище.

Легенда вторая. Когда пришел верблюд

Вторую ночь я ждала — как ждут продолжения сна, который оборвался на самом важном месте. Знала: будет. Не могло не быть. Качканар открывался мне по кусочку, как открывается лицо человека, которому начинаешь доверять.

Не заметила, как задремала. А когда открыла глаза — он уже сидел по ту сторону огня. Костёр был призрачный, но тепло — настоящее.

— Садись ближе. Огонь не кусается. Он только проверяет. Трусые боятся огня. Знаешь почему? Потому что огонь — это правда. А правда жжёт тех, кто к ней не готов. Я расскажу тебе то, что рассказал мне мой учитель. А ему — его учитель. А тому — сам ветер с вершины Северного Рога. Там ветер особый. Он был здесь до первого дерева, до первого камня, до первого слова. И будет — после последнего. Слушай.

В самом начале времён — когда Урал был ещё юношей и не знал своей силы, когда реки только учились течь и не помнили своих берегов — мир был тих и пуст. Как чаша перед первым глотком. Боги ещё не решили, кому что принадлежит. Небо говорило: «Звери — мои. Они сделаны из моего света, они живут в моих облаках». Земля отвечала: «Нет. Они ходят по мне. Пьют мою воду. Едят мою траву. Они — мои». А тайга молчала. Тайга всегда молчит, когда спорят те, кто сильнее.

Спор тянулся так долго, что звери устали. Они не знали, куда уходить после смерти — вверх, к небу, или вниз, в камень. И от этой неизвестности начали умирать по-настоящему. Не так, как умирают, чтобы вернуться. А как умирает огонь, когда кончаются дрова: тихо, без следа, без пепла.

Тогда Торум — Великий Отец, живущий выше облаков и ниже звёзд, — посмотрел вниз. Мир редел, будто из него медленно уходила сила. И он позвал человека. Не вождя, не воина, не того, кто умеет красиво говорить. Он позвал того, кто умел молчать так, что в этом молчании слышалось больше, чем в любом слове.

Его звали Нер-Ойка. Его замечали сразу — не из-за роста или громкого голоса. Просто с его приходом воздух в чуме менялся: тяжёлый, натягивался, как небо перед грозой. Дети вдруг затихали. Собаки опускали головы на лапы. Даже огонь горел ровнее, будто вслушивался. Нер-Ойка был силён, но сила его была не только в теле. Главное — он слышал зверей после смерти. Не ушами — костями, кожей, пятками, ладонями, прижатыми к земле. И земля отвечала ему глухо, медленно, как отвечает тот, кого слишком долго не спрашивали.

Торум пришёл к нему не во сне. Сны слишком легко ускользают на рассвете. Он явился, когда Нер-Ойка стоял по грудь в ледяной реке Ис и смотрел, как течение уносит перья убитой птицы. И вдруг всё оборвалось. Река замерла. Перья повисли в воздухе. Ветер стих, будто его никогда и не было. А потом в тишину вошло знание — медленно, глубоко, до самого сердца: «Иди на Северный Рог. Возьми только бубен. Три дня не ешь. Там поймёшь».

Нер-Ойка вышел из реки. Холод стекал с него ручьями. Он отряхнулся, как зверь после схватки, взял бубен и пошёл.

Но здесь я остановлюсь. Сначала расскажу тебе кое-что важное — то, что случилось ещё до Нер-Ойки. До того, как Торум назвал его имя. Потому что зов начался не с шамана. Он начался с верблюда.

Далеко на юге, там, где нет ни деревьев, ни снега, где земля красная от жара, а небо белёсое, словно выжженное, жил старый дух. Не человек и не зверь. Нечто древнее — старше спора Неба и Земли. Нечто, что помнило, как рождались горы, и знало: у каждой есть своё назначение. И своя незажившая рана.

Он знал о Северном Роге. Знал, что на вершине зияет пустота. Что там ждёт место. Не просто ждёт — томится. Потому что место без стража — как очаг без огня, как чаша без воды, как глаз без взгляда. Оно болело. И эта боль расходилась по миру невидимыми трещинами — через степи, реки, горы.

И однажды ночью эту боль почувствовал верблюд. Он лежал на красном песке, смотрел в тёмное небо, и вдруг внутри что-то дрогнуло. Не страх или голод. То, чему нет имени в языке живых, но что хоть раз чувствовал каждый: ты нужен там — иди.

Старый дух пришёл на рассвете. Без грома и молний. Просто оказался рядом — как тень, как запах дождя над сухой землёй. Верблюд не удивился. Верблюды вообще редко удивляются: они слишком многое повидали.

— Ты слышал зов?

— Да.

— Тогда иди на север. Там есть гора. Там есть место, которое ждёт тебя. Ты узнаешь его — с той вершины видно всё.

— Почему я? — спросил верблюд. Он хотел понять.

Дух помолчал, потом ответил:

— Только тот, кто умеет ждать в пустыне, умеет стоять на вершине. Ты знаешь жажду — долгую, настоящую, ту, что не убивает, а учит терпеть. В тебе есть запас времени. Ты выстоишь там, где другие сломаются.

Верблюд подумал.

— А если не дойду?

— Дойдёшь. Или дойдёт твой дух. Это почти одно и то же.

И верблюд поднялся. И пошёл на север.

Он шёл через степи, где трава сперва касалась колен, потом редела до щиколоток, а потом исчезла совсем. Шёл через реки, которые не знали его имени и не расступались перед ним, — он переходил их сам, тяжело, медленно, фыркая от ледяной воды. Шёл через леса, где деревья глядели на него с тихим изумлением: они никогда не видели верблюда, а он — таких деревьев. Они молча изучали друг друга, и он шёл дальше. И всякий раз, когда казалось: ну вот, пришёл, — путь снова тянулся вперёд.

Первым устало тело. Это случилось в предгорьях, в долине между двумя реками. Ноги вдруг отказались слушаться. Верблюд лёг. Тело решило, что дальше не пойдёт. А дух поднялся. Вышел из лежащего тела, как пар поднимается над горячим камнем в холодный день. Осмотрелся. Почувствовал ту самую тягу, что пришла к нему в первую ночь среди красных песков. Только теперь она звала вверх — к горе, к вершине, где небо словно устало держаться высоко и опустилось передохнуть.

И дух верблюда пошёл дальше.

Именно тогда, в ту же ночь, когда он достиг вершины Северного Рога, Торум позвал Нер-Ойку.

Не случайно. Ничего не бывает случайно, когда речь идёт о таких вещах. Торум знал: место нашло своего стража. Теперь нужен был тот, кто скрепит это: сделает невидимое видимым, временное — вечным. Для этого и нужен шаман. Не командовать духами. Быть свидетелем. Сказать: да, это случилось. Я видел.

Северный Рог — это место, где облака живут не вверху, а рядом, на уровне плеча. Камни не серые и не бурые — цвета старой крови и цвета первого льда одновременно. Ветер здесь не гуляет — он живёт. У него есть характер, привычки, любимые тропы. Он помнит всех, кто поднимался сюда, и каждому говорит что-то своё.

Нер-Ойка поднимался три дня. Каждый шаг что-то отнимал: воспоминание, страх, боль. Гора брала плату тем, что человек носит внутри и не показывает никому. К концу третьего дня он почти опустел. И именно тогда — пустой, как чаша в начале времён, — он услышал их.

Зверей.

Они были всюду: в останцах, в скалах, в каждом валуне, который казался просто камнем. Духи зверей, умерших и застрявших между небом и землёй, как щепка между льдинами.

Нер-Ойка сел на вершине, закрыл глаза, ударил в бубен один раз. Тишина после удара была живой. Ударил второй — и они заговорили все сразу, перебивая друг друга, как дети, которых слишком долго не слушали. Лось вспоминал восточные болота. Медведь — малину, хорошую в этом году, но не доставшуюся ему. Рысь, как всегда, говорила о луне. Волк молчал, и его молчание было громче прочих. И среди этих голосов Нер-Ойка различил один — чужой, далёкий, идущий с юга. Он открыл глаза.

Перед ним стоял верблюд — огромный, как облако, принявшее звериный облик. Горбы — как две сопки. Тёмные глаза в длинных ресницах смотрели без страха и без покорности. Просто смотрели — так смотрит тот, кто слишком многое прошёл, чтобы бояться чужого взгляда. Нер-Ойка почувствовал его раньше, чем увидел: южный ветер стал теплее на один вздох, а в воздухе появился запах пыли, расстояния, красных песков, которых здесь не было и быть не могло.

— Ты долго шёл, — сказал Нер-Ойка.

— Да. Но я пришёл.

— Зачем?

Верблюд молчал так долго, что ветер дважды обошёл вершину.

— Меня позвало это место. Я шёл к нему всю жизнь. Потом — после жизни. Я знал: где-то есть точка, откуда видно всё — реки, лес, небо над ними. Я искал её.

Он помолчал.

— Я устал идти. Хочу стоять здесь и смотреть. Больше ничего.

И Нер-Ойка засмеялся...

Прошло три года. И ещё три зимы сверху легли на гору — тяжёлые, белые, молчаливые.

За это время Нер-Ойка не построил здесь ничего в человеческом смысле. Не ставил стен, не складывал камни ряд за рядом, не рубил брёвен, не тянул жердей, не делал ни чума, ни амбара, ни крепости. Со стороны могло показаться, что он просто ходит по склону, подолгу сидит на холодных плитах и разговаривает сам с собой.

Но гора знала: он работал. Он не строил — он слушал. Слушал, где в камне застряло дыхание. Где под твёрдой серой кожей спит зверь. Где дух уже давно ждёт, когда его назовут по имени.

Иногда Нер-Ойка клал ладонь на скалу и долго молчал. Иногда вдруг усмехался, будто услышал в ответ что-то упрямое. Иногда спорил вслух, сердился, уговаривал. Иной раз ночь проходила так: человек сидит один у камня, а кажется, будто у огня собрались двое — только огонь этот горит не снаружи, а внутри скалы.

Потому что каждый зверь был не просто фигурой. Каждый был отдельной историей, отдельным нравом, отдельным разговором. А ещё — отдельным миром, который нужно было поставить на место.

В те годы мир стоял неровно. Небо отдалилось. Земля притихла и будто затаила обиду. Рекам не хватало слова, лесу — слуха, луне — свидетеля, человеку — памяти. Всё было рядом, но уже не в ладу. Словно когда в семье после тяжёлой ссоры люди ещё живут под одной крышей, но не смотрят друг другу в глаза.

И Нер-Ойка понял: нужен не просто знак или жертвенник на вершине. Нужно место, где снова встретятся все силы мира.

Так у него и родилась мысль о первом капище. Не о таком, куда приходят только просить и где только оставляют дары. Он создавал место, где земля сможет говорить с небом, а небо — отвечать. Где звери станут не добычей и не украшением сказки, а живыми посредниками между

людьми, горами, лесом, водой и верхними духами. Где каждый камень будет не мёртвым, а слышащим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.